

ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ГЕНДЕРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Исследуя и сравнивая грамматики разноструктурных языков, можно отметить, что в них есть как универсальные категории, так и категории, присущие каждой из сопоставляемых грамматик. Можно подобрать эквивалент, и описанные явления будут одинаковы, но в то же время языки мира значительно отличаются набором грамматических категорий.

Род, представляя собой грамматическую категорию в одном языке, далеко не всегда является таковой в других языках, тем не менее, родовые, или гендерные, отношения должны быть как-то представлены в любом языке.

Понятие «гендер» давно уже вышло за рамки грамматики. Это явление широко рассматривается как социокультурный, дискурсивный и психолингвистический феномен. Гендерный аспект представляет собой весьма интересную и достаточно сложную проблему, и игнорирование этого актуального явления может привести к досадным ошибкам и недоразумениям, особенно при сопоставлении английского и русского языков. Русский и другие языки синтетического типа имеют ярко выраженную категорию рода, которая имеет порой основополагающее значение, а английский язык морфологических средств для выражения гендера не имеет. Недооценка гендерного фактора при переводе может иметь самые неприятные последствия, вплоть до отторжения текста перевода культурой данного языка и непринятия его носителями.

Так, в романе Б. Карплэнд «A Shaft of Sunlight» автор использует следующее поэтическое сравнение, весьма распространенное в рамках англоязычной культуры: «...her eyes were the transparent blue

of a thrushs eggs». Переводчик, стремясь передать всю прелесть оригинала, сохраняет данную метафору, чуждую русской языковой культуре, никак не учитывая при этом необычайную значимость гендерного аспекта в данном конкретном случае. В итоге мы имеем нелепое, даже неприличное сравнение: «*Виконта поразило солнечное сияние ее волос, голубизна глаз, сравнимая лишь с нежнейшей голубиной яич дрозда*».

В романе «The Lovely Lie» влюбленные дамы сравниваются со спелыми персиками. Для носителя современного английского языка данная метафора вполне понятна и приемлема, так как одно из дополнительных значений лексемы «*peach*» – ‘красотка’, а другое – ‘первый сорт’: «*Women adored him and fell into his arms like ripe peaches*». Данная метафора понятна и носителям русского языка, ведь молодую женщину в разговорной речи иногда называют «персик». Но эта метафора в русской культуре имеет четко выраженную маскулинную окрашенность, а также некий восточно-кавказский оттенок, ассоциирующийся с неверным употреблением грамматических категорий, в том числе категории рода.

Адекватным и полноценным может считаться перевод, в котором переводчик соавторствует и может выразить самого себя; перевод, который не игнорирует контекст и учитывает гендерные и культурологические особенности языка перевода. Помочь в достижении этих целей могут лексико-грамматические трансформации, а именно: полная замена лексической единицы, выражающей гендерную специфику оригинала; частичная замена на синоним, органично функционирующей в языке перевода; смысловое развитие; генерализация или конкретизация. Вот примеры удачных переводов, когда происходит полная замена лексической единицы, выражающей гендерную особенность, или применяется слайд, подразумевающий минимальное изменение словарного эквивалента в языке перевода.

В авторском сравнении, основанном на лексеме «*corn-crake*» – ‘дергач-коростель’ переводчик весьма удачно заменил словарный эквивалент «дергач-коростель» на лексему «ворона», коннотативное поле которой в русской культуре включает устойчивые ассоциации с резким неприятным криком и которая в то же время в полной мере учитывает гендерный аспект в языке перевода и категорию грамматического рода, поскольку лексема «дергач-коростель» мужского рода, а «ворона» – женского: «...их голоса кажутся нежными, но послушали бы вы их за завтраком, – они каркают, как вороны».

Примером уместного использования слайда может служить следующий вариант перевода с английского на русский язык: «*You know, the Queen is a huge fat spider!*» Переводчик вполне закономерно использовал лексему «*паучиха*», приняв во внимание гендерную специфику русского языка, так как существительное «*королева*» в русском (да и в английском) языке сугубо женского рода, и использование лексемы мужского рода «*паук*» было бы в данном случае неприемлемо.

Литературное произведение тесно связано с языковой системой, в которой оно создается. Но ведь язык не есть слепой носитель мысли, а действенное средство ее формирования. «Различия языков есть не различие знаков, а несходство миром восприятия» (В. фон Гумбольдт). Для того чтобы была возможность адекватной коммуникации, необходимо усвоение основных элементов того комплекса знаний о культуре страны, который является достоянием большинства носителей данного языка.

Литература

1. Вопросы теории перевода в современной зарубежной лингвистике. Сб. статей. – М., 1978. – 227с.
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999.
3. Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – Иваново, 1999. – С. 5-6.